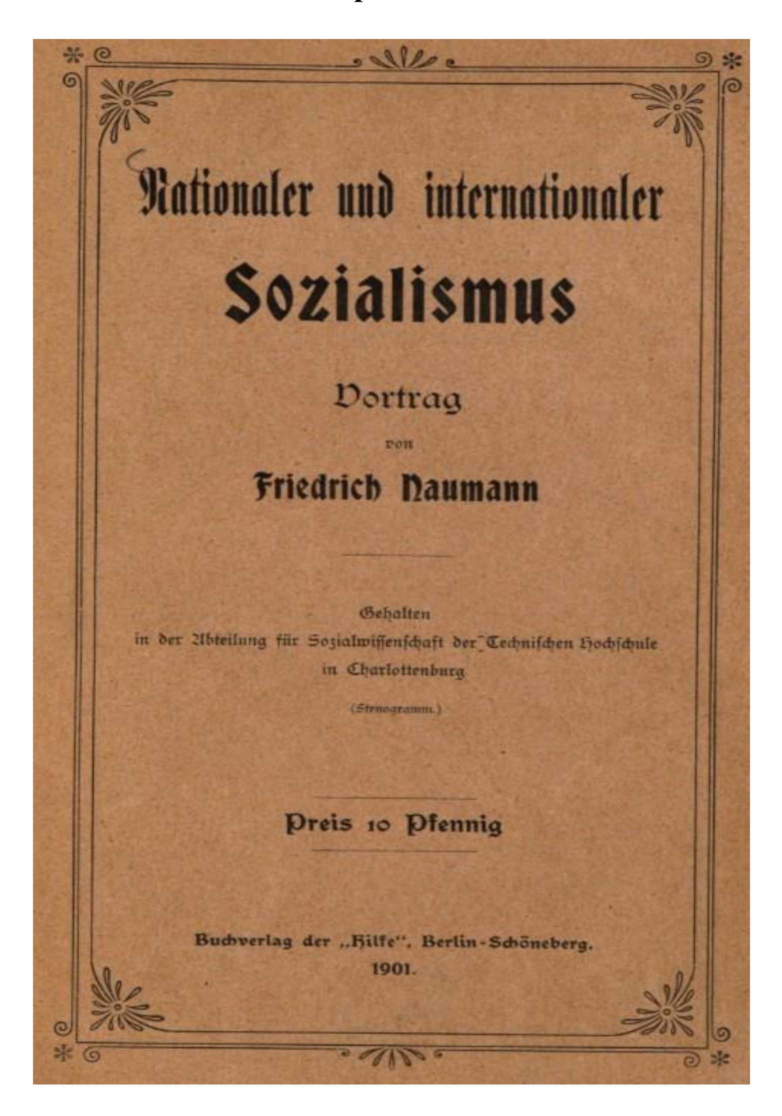
Национальный и интернациональный социализм

Nationaler und internationaler
Sozialismus

Vortrag
von
Friedrich Naumann

Gehalten
in der Abteilung für Sozialwissenschaft der Technischen Hochschule
in Charlottenburg
(Stenogramm.)

Preis 10 Pfennig

Buchverlag der „Hilfe“, Berlin-Schöneberg.
1901.

Лекция Фридриха Науманна. Проведена на факультете социальных наук Технического университета в Шарлоттенбурге (Стенограмма). Цена 10 пфеннигов. Книжное издательство «Hilfe», Берлин-Шенеберг. 1901 г.

Шарлоттенбург, 21 февраля 1901 года.

Уважаемое собрание!

Сегодняшний вечер нас будет занимать национальный и интернациональный социализм. Основная идея - социализм. Потому что, когда мы говорим о национальном и интернациональном социализме, мы должны прежде всего начать со следующего: что есть в этом часто упоминаемом, очень быстро распространившемся и в то же время столь популярном современном слове «социализм»? В этом слове есть восходящее движение угнетённых классов людей. Те, кто ниже, хотят продвигаться вверх, хотят лучшей еды, больше образования и большей власти. И, суммируя всё, что ещё больше поднимает их культурный рост, они говорят «социализм». Движение масс вверх было во все времена в истории. В древности были войны рабов, в конце Средневековья - крестьянские войны, и в

великий период революции добрую сотню лет назад, разве не было внутренней, ведущей части этого великого движения, в котором подчинённые крестьяне хотели освободиться, а ремесленники хотели подняться? Там тоже была масса, которая желала прогресса.

И всё же все эти явления, какими бы многочисленными они ни были на протяжении веков, на самом деле не являются тем, что мы сегодня называем социализмом. Даже события настоящего, в которых низшие классы хотят подняться, не обязательно должны быть социализмом. Если, например, угнетённые батраки в Галичине объединились, это можно назвать галицким аграрным социализмом, но это также не подходит для столь острого термина «социализм». Потому что все эти движения прошлого имели своим идеалом мелкого собственника, либо мелкого собственника как фермера, либо мелкого собственника как ремесленника. Идеалом этих ранних движений было то, что кто бы ни был рабом, крепостным, хотел где-нибудь стать сам себе хозяином, даже в самом маленьком уголке. Такова и сегодня идея во всех тех кругах, в которых на какое-то время оживает агитация аграрного социализма. И движение мастеров-подмастерьев и так далее в прошлом в основном всегда основывалось на идее: мы должны облегчить нам процесс становления мастерами, становления независимыми личностями.

Но в новом слове «социализм» кроется другая проблема, современная проблема: как могут продвинуться вперед те, какой идеал жизни может быть у тех, кто не может стать мелким собственником, кто не может быть крестьянином или ремесленником, не может существовать самостоятельно и где-нибудь управлять очень маленьким хозяйством?

Вопрос о том, какой идеал жизни должен быть у людей, которые больше не могут иметь идеал индивидуальной независимости с экономической точки зрения, возник только тогда, когда крупные производства пришли с современными технологиями, которые объединили большое количество людей. Если на некоторых из наших шахт сейчас работают 3–4 000 человек, если на таком большом угольном месторождении, как Рейнско-Вестфальское, работают 230 000 горняков, то это всё люди, у которых любая идея о том, что они могут когда-либо что-то сделать самостоятельно, исходя из фактов, полностью исключена. Или, если в чёрной металлургии есть отдельные крупные заводы, которые занимают целый город, когда у фирмы Круппа 44 000 рабочих, тогда опять несомненно, что весь старый идеал работы и становления независимым для этих кругов закончился. Для примера мы возьмём нашу транспортную систему с этими десятками тысяч людей, которые катятся куда-то на своих колёсах и которые никогда не смогут контролировать это, даже если им придётся управлять отдельным поездом. Или мы думаем о том, как компании, которые с самого начала были небольшими и в которых работало всего несколько человек, будут стремительно расти. На пивоварне Schultheiss в Берлине работает 1800 сотрудников. Но ведь они не становятся пивоварами сами. Это тип компании современной машинной эры. И идеал пожилых людей, на который надеялись две трети из них, и которые не смогли заняться индивидуальной трудовой деятельностью в прошлом, и который также поддерживал растущего мастера прошлого до середины его жизни, в основном исчез.

На что теперь надеяться таким людям? Стоит ли беспокоиться, чтобы они вообще на что-то надеялись? Стоит ли желать, чтобы они просто шли туда и говорили: мы - современная форма рабов, которые не имеют никакого влияния на бизнес и думали бы, что это правильно, что им достаточно лишь еды и им не нужно никаких других насущных потребностей? Они были бы самыми желанными детьми для нынешнего предпринимательства, лучше которых нельзя было бы и представить, если б у них было такое отношение к себе! Но с точки зрения народа в целом, с точки зрения отношения человека к

человеку, с точки зрения того, что личность не должна быть утеряна в будущем, нельзя желать, чтобы этот новый класс был лишён идеалов. И пока он видит: каков наш идеал культуры, он думает о себе как о значимом единстве. И это единство говорит: в конце концов, я всего лишь несколько десятков тысяч и сотен тысяч; если мы хотим стать субъектом, мы не можем стать им как индивидуальное Я, но только как масса, как единый субъект. Отсюда возникает мысль о великом субъекте «угнетённые массы», который думает, что он действует, определяет производство и, в конечном счёте, регулирует его, думая о том, чтобы взять потребление в свои руки и направить потребление в соответствии со своей волей. И этот единый субъект думает о себе, потому что он численно присутствует в статистике в значительной степени как субъект в целом, который охватывает все другие субъектности и все другие численно менее могущественные силы.

Это мысль, которая легко работает, которая бесконечно опережает всё, мысль, которая уже видит в сегодняшних наёмных рабочих организм будущего с бесконечной сплоченностью и экономической мощью. От этой мысли вернёмся в реальность! Нам придётся пройти этот путь от идеи великого массового субъекта, который будет чаще подчиняться сегодняшней реальности, и обратно.

Здесь мы видим новую, большую часть народа, эти массы современных наёмных рабочих, которые стремятся к лучшему в бесконечных трудностях, которые организуются неимоверными усилиями под давлением множества преследований, но которые даже больше, чем от преследований своих противников страдают от праздности значительной части собственных собратьев; поскольку общая организация современных промышленных рабочих, которые работают за заработную плату, на самом деле больше всего страдает от значительного количества тех, кто сам ещё не стал несогласным и не участвует. И всё же эта изнурительная работа, эта мерная поступь на гору будущего - даже если она находится до сих пор у подножия этой горы - это восхождение в поту и труд на пути к новому идеалу - это то, что также зовёт вверх и другие народы. Я имею ввиду не только какое-то идеальное влияние, которое всегда проявляется, когда люди пробиваются снизу вверх, а о том влиянии, от которого никто не может избавиться, не отстранившись однажды от повседневной суеты и своих интересов, чтобы взглянуть на всё со стороны: это означает, что у нас есть сотни тысяч людей, которые из-за ограниченной жизни имеют смелость хотеть работать вместе ради будущего, впрочем я хочу говорить сугубо практическим языком: при большом количестве наёмных рабочих в промышленности сегодня они уже означают главного потребителя для ремесленника и мелкого торговца и то, что он получает, он зарабатывает для них. Нет ничего глупее, чем пытаться объяснить нашим мастерам, особенно здесь, в городах, что если у агрария на Висле есть деньги, то они будут и у ремесленника здесь, в Берлине и Шарлоттенбурге. Дело в следующем: как только наёмные массы что-то получают, если их заработная плата повышается в среднем всего на 10 пфеннигов в день, вместе с ней поднимается вода, от которой деревья других окрашиваются в зелёный цвет, так что они поднимаются вместе с ней. Это нужно, чтобы люди в целом были более оживлёнными с точки зрения работы. И поэтому эти трудовые стремления снизу вовсе не являются чисто индивидуальными, не только свойственными классу наёмного труда, но движением, которое, чем дальше поднимается, тем шире становится, чем больше затрагивается кругов, тем больше других кругов оно привлекает к себе. Вызывает интерес. Это довольно долгий путь, потому что речь идёт о культурном уровне большинства грядущих народов. Я не хочу сказать, что даже сегодня большинство нашего народа - промышленные рабочие. Пока они не большинство, но всякий, кто смотрит на цифры роста народонаселения и прежнее распределение людей по профессиям, вряд ли сомневается, что так станет в будущем.

На этом движении, на социализме, зиждется всё будущее. Как будет выглядеть средний немец в будущем, не немецкий профессор или немецкий студент, а средний немец, который под названием «наёмный работник» будет размножаться, размножаться и размножаться и в конечном итоге составит большинство народа? Этот вопрос, поставленный таким образом, является историческим вопросом самого первого порядка, и действительно, историческим вопросом, на который вся обширная история прошлого даёт бесконечно мало ответов; в истории прошлого никогда не приходилось иметь дело с формами бизнеса, которые как таковые вынуждали людей полностью отбросить старый идеал индивидуального предпринимателя и придумать новый идеал всеобщего влияния и субъекта, чтобы просто иметь хоть какое-то представление о действительно позитивном человеческом идеале. Но именно потому, что в этом отношении социализм является новым идеалом, который история едва ли подготовила в целом, он предоставляет повод для самых обширных спекуляций о том, что может быть в этой области. Невозможно даже намекнуть на всё, что за последние шестьдесят лет входило в понятие «социализм».

Основная формула, выражающая наиболее ясную мысль о слове «социализм» прошлого века, была дана исключительно двумя мыслителями, возглавившими социал-демократическое движение, Марксом и Энгельсом. Ваша отправная точка - это как раз тот наёмный рабочий на массовом предприятии, о котором я говорил ранее; ваш вопрос: как он достигает культурной высоты, как он обретает свободу, если у него больше не может быть старых идеалов свободы занятости? Даже те, кто не называет себя марксистами — к коим, например, принадлежу я - не сможет не признать, что в запутанной области тенденций, идей, мечтаний, которая проходила под словом «социализм», в первую очередь проясняется, в первую очередь создаётся концептуальная ясность с точки, от которой пошёл Маркс со своей формулой в этой области. И если я должен попытаться чётко описать идею, которую марксизм даёт о культурном будущем новых масс, то он верил в победу крупных предприятий в целом и в возможность полной демократизации крупных предприятий в целом. В этих двух тезисах заключено то, что выражено в первой части социал-демократической программы с центральной идеей: обобществлением средств производства. Побеждает крупное предприятие, более крупное будет снова и снова технически побеждать меньшее. Постепенно речь идёт о таких гигантских фабриках, которые, даже распространяясь по странам, больше не признавая национальности и границ, становятся настолько угнетающими для человечества, что массы, не являющиеся собственниками этих гигантских фабрик, изгонят владельцев гигантских фабрик - мирно или немирно, является второстепенным вопросом в этом историческом вопросе - и отныне будут управлять этими крупными компаниями демократическим образом, в том, что любой монархический элемент и любой частнокапиталистический элемент исключены из этого видения будущего, и чистый теоретический идеал республики, связанный с современной промышленностью, вытекает из этой великой, широкой, нематериальной идеи интернациональной демократической мировой экономики. В этом контексте слово «мировая экономика» не следует понимать так, как оно нами представляется сегодня, когда мы говорим о мировой торговле или всемирном почтовом союзе во всех странах, а, скорее, идея «мировой экономики» означает производственную цепочку, которая охватывает страны первичного производства, полуфабрикатов, готовой продукции и распределение отраслей производства по странам, которая решается централизованно, что является гигантской государственной задачей, подобной которой раньше не было. И если вы задумаетесь о том, что человеческий мозг делал в правительстве до сих пор - иногда так бывает (смех) - он покажется таким сказочно крошечным, когда вы смотрите на него с этой перспективы будущего, что становится вдвойне проблематичным, можно ли основывать эту возникающую в то же время задачу управления мировой промышленностью на самой чистой демократии, а именно на изначальном выборе всех

вовлечённых в неё, которые собираются вместе миллионами, то есть это мудрость, которая рождается из миллионов и проникает в управление миллионами.

Идея полностью централизованной и демократизированной мировой экономики - выдающаяся конечная цель. Это идея, которая стала стержневой идеей интернационального социализма. Верно, что интернациональный социализм не только демонстрирует и участвует в достижении конечной цели, но также участвует в ряде контактов от страны к стране, в обмене опытом, в попытке строить общие планы и прочее, что в целом идёт своим чередом, так же, как и с любыми другими международными трудовыми и профессиональными ассоциациями. Интернационал, интернациональный социализм, - это мысль о том, что перед одной проблемой - возвышением рабочего класса над капитализмом и отменой индустриальной монархии - все другие проблемы, проблема национальностей, рядом стоящие проблемы различных распределений континентов исчезнут, как если бы их там и не было; и человек помещает себя в историю, безграничную широту которой невозможно охватить взглядом, прямо в эпоху, о которой можно легко фантазировать, потому что она очень, очень далека. Так что, если интернациональный социализм цепляется за эту конечную цель - он только хочет объяснить конечную цель как нечто очень далекое, что может произойти однажды, — и тогда нет необходимости отрицать её, потому что нет смысла спорить о том, что может когда-то произойти однажды и сразу. История учит нас, что чем дальше простираются пророчества, тем больше они сводятся к общим и мрачным терминам, которые в конечном итоге редко соблюдаются реальностью, но сама по себе такая конечная цель, если её не воплотить в политическую практику, представляет собой безобидный фон. Можно даже сказать больше, можно сказать, что этот великий идеал объединённых народов при социализме отнюдь не был бесполезным с точки зрения агитации в течение определённого периода, поскольку люди, которые там дремали, ничего не зная о политике, не могли легко быть разбуженными чем-то иным, чем грандиозная мечта о новом мировом периоде. Вы только представьте себе таких людей практически. Я представляю, однажды однажды вечером, когда я гулял с другом по кварталу сельскохозяйственных рабочих, мы смотрели на квартиры сельскохозяйственных рабочих; вечером мы спросили себя: что вообще может данный тип людей, которые были перед нами, разбудить политически? Представление простой реальности? Нет! Потому что эта сложная реальность, состоящая из сотен тысяч деталей, недостаточно сильна, чтобы вообще просветить эти неразвитые умы о себе, и если кто-то хочет что-то сделать из этих умов, то, безусловно, будет необходимо, что кто-то должен открыть им какую-то очень большую картину. Что изображено на большой картине - вопрос второстепенный, просто это должно иметь само по себе агитационный смысл. Но когда она исполнила эту задачу, она может в то же время стать сдерживанием мысли, поскольку впоследствии она держится в головах, как догма, и остаётся в мозгу как мера, с помощью которой можно теперь идти, в соответствии с которой теперь есть политика и практика.

И поэтому я бы не проронил ни слова возражения из-за отдалённой конечной цели, но лишь потому, что эта идея конечной цели, перенесённая в настоящее, частично парализует действие, частично ведёт его неверным путём. Что же тогда предполагает этот теоретический идеал интернационального социализма? Он предполагает, что победа индустриализма уже достигнута повсеместно, и это предварительное условие, которое далеко не выполнено, но о котором можно говорить точнее в цифрах, чем о самой общей идее: хотим мы конечной цели или не хотим? Здесь я хочу начать с того, что: предварительным условием любого прогресса социализма является победа индустриализма. Я не отрицаю, что можно вообразить определённые формы аграрного социализма и что вполне возможно включить аграрную страну в своего рода общую социальную конституцию, но я отрицаю то, что в любой

аграрной стране это происходит само по себе, без влияния подавляющего индустриализма. Ибо сельскохозяйственная земля не порождает никаких идеалов, кроме идеалов фермера или землевладельца, и куда бы мы ни пошли, на всей земле сельскохозяйственная земля является либо землей плантаторов, либо фермерской землей, и другие идеалы и, следовательно, иная политика не строятся на сельскохозяйственной почве. Это показывает всё прошлое наших стран в Европе! В то время, когда они были аграрными странами - а это было их самое долгое время, всю их историю вплоть до прошлого века - они либо политически выявляли не что иное, как государство, в котором существует более или менее абсолютная монархия и крупные землевладельцы, поскольку - это довольно чистый дистиллированный тип старой Пруссии, схожие формы которой можно найти и в старой Австрии, и так же легко в России и т. д., либо эта старая аграрная Европа породила крестьянские страны, типом которых является старая Швейцария, те кантоны, которые в основном созданы для крестьянства, для которых у нас также были параллельные формы в Южной Германии, Франции, Фрисландии, Дитмаршене, Голландии и т. д. Сама по себе чистая сельскохозяйственная земля не выращивает никакой другой формы. То, что в аграрной стране батрак вырастет и по-социалистически получит землю в свои руки и станет хозяином, лежит за пределами всех человеческих и исторических возможностей. Если это историческое предположение просто верно как факт, из него следует, что: сначала в стране должно быть столько промышленности, чтобы старое аграрное господство утратило бы контроль, т.е. чтобы индустриализм сначала одержал политическую победу, прежде чем можно было ещё подумать о победоносном приходе социализма.

В Европе - я не хочу вовлекать развитие Северной Америки, за которым я не так много наблюдаю, я останусь с европейскими странами - у нас есть только одна страна, в которой индустриализм восторжествовал на сегодняшний день, и это Англия. Победа индустриализма, если вы хотите привязать её к определённому году, пришлась на 1846 год, когда упали тарифы на зерно. Падение тарифов на зерно является лишь симптомом, поскольку с падением одних только тарифов на зерно промышленная концепция ещё не стала народной и государственной концепцией; но во всей этой борьбе за хлеб, которая десятилетиями происходила в Англии, старое аграрное государство, наконец, сразилось с новым индустриальным государством. И победа индустриализма пришла в тот момент, когда в Англии сельскохозяйственное население всё еще составляло ровно 25 процентов от общей численности населения. Можно предположить, что как только аграрная часть опускается ниже 50-40 процентов, её политическая сила рушится. Это ошибка, потому что другие круги в политике более новые, а старые - это beati Possidentes (прим. пер — лат. счастливые владельцы), у которых есть власть и методы, в то время как новые, которые появляются, разделяются и грызутся между собой, и как и везде в истории, ещё не нашли корпоративного единства во времена совместной власти. Вот почему старое аграрное государство очень долго политически могущественно, даже если оно уже находится в меньшинстве. В Англии сельскохозяйственное население составляло лишь 25 процентов от общей численности, когда произошёл переворот.

В чём был переворот? Переворот означал сначала только то, что буржуазный либерализм с его торговыми и промышленными тенденциями на полных парах может войти в правительство. Далее он означал, что концепция старого консерватизма была разрушена и что её нужно было адаптировать к либеральным формам, и что с этих пор следует отказаться совсем от идеи о том, что земля и её будущее зиждется на сельском хозяйстве, в пользу идеи о том, что промышленность для страны, реальный источник хлеба и носитель жизни народа, постепенно была вынесена в центр законодательства и управления как простая мысль, которая больше не вызывала подозрений, как это было раньше, и в конце концов была

принята почти всеми. При этом такая страна ни в коем случае не была готова к социализму, но победа индустриализма лишь открыла возможность развития индустриального движения, в котором рабочий класс мог выступать с необходимой жизнеспособностью, с необходимым доходом, с необходимой корпоративной силой, с необходимой свободой, чтобы делать шаги в будущее. И теперь никому из нас неизвестно, почему, несмотря на добрые полвека с тех пор, как индустриализм в принципе победил в Англии, социализм там более развит, чем у нас, в том смысле, что в ней есть крупные профсоюзы рабочих и крупные потребительские союзы, а рабочий, как производитель и потребитель, стал гораздо более солидарным субъектом организованного характера, чем мы; но тот социализм, а именно определение общей судьбы народа наёмными рабочими, является сегодня в Англии свершившимся экономическим, политическим фактом, однако его никто не хочет утверждать или не может утверждать. Теперь легко можно кому-либо занять позицию, что английские рабочие глупее, а немцы бы продвигались быстрее и добивались большего в том же положении. Это может быть правдой; я тоже склонен всегда быть лучшего мнения о соотечественниках. Но то, что мы должны извлечь уроки из этого английского опыта развития социализма, из этого плодотворного поворота от аграрного государства к индустриальному государству и далее к социализму, и из относящихся к нему временных периодов также исторически бесспорно. В Англии сегодня - или, скорее, десять лет назад, поскольку последние статистические данные относятся к 1891 году, 15 процентов населения занимаются сельским хозяйством и рыболовством, а 58,7 процента - ремёслами, промышленностью и горнодобывающей промышленностью; остальное - торговля, литература и прочее. В списке всегда имеют значение только два основных компонента: сельское хозяйство и торговля, другие компоненты при прочих обстоятельствах относятся в основном к среднему звену и к управлению. Так, в Англии сельское хозяйство составляет только 15 процентов населения, включая рыболовство - из-за причуды статистиков; я хотел бы знать, какое отношение имеет рыболовство к сельскому хозяйству. Но мы всегда должны учитывать промысел других стран, потому что он традиционно относится к подобной схеме. В стране с 15-процентным сельскохозяйственным населением социализм не продвинулся дальше, чем в сегодняшней Англии; он там развитее, чем в Германии, но всё же бесконечно далёк от конечной цели.

Отсюда давайте попробуем прикинуть дистанцию до конечной цели в других основных странах Европы в понятном нам числовом выражении. Во Франции сельское хозяйство с рыболовством составляет 40 процентов, а торговля, горнодобывающая промышленность и промышленность вместе составляют 27,9 процента населения. Так что картина совершенно иная, чем в Англии. Во Франции сельскохозяйственный состав, который там, как известно, является преимущественно фермерским, всё ещё является в такой степени массовой долей народа, что сегодня об этой стране нельзя сказать иначе, как то, что это аграрная страна. Если это не выражено чрезмерно в конституции, если мы переживаем такие периоды во Франции, как сейчас, когда аграрная половина в правительстве мало что может решать, то это потому, что старая аграрная аристократия была свергнута Великой французской революцией и в результате которой больше нет чёткого лидерства на сельскохозяйственной стороне и никогда не появится снова, в то время как на промышленной стороне крепкое лидерство ещё не выросло, и в результате там наблюдается гораздо большая мобильность, ситуация движется то справа налево, то слева направо. Но если вы посмотрите на развитие народа в целом, вы должны сказать, что скорее закончится Сена, чем Франция станет индустриальным государством. Так как у этого народа, у которого нет рождаемости или почти нет рождаемости, возможен только очень медленный и незначительный промышленный прогресс, или только промышленный прогресс, который в значительной степени подпитывается притоком из-за рубежа, который лучше всего процветает благодаря бельгийским и немецким рабочим на севере Франции. Итак, если вы хотите сказать себе, что

эта страна однажды переживет промышленную победу, подобную той, которую испытала Англия почти шестьдесят лет назад, тогда никто из нас не может представить себе время, когда это было бы возможно во Франции. Уже по одной этой причине условия для социализма во Франции полностью отличаются от условий в Англии. В стране без победоносного индустриализма социализм не может быть таким же, как в другой стране.

А теперь давайте сделаем ещё один шаг и посмотрим на Австрию! В Австрии 64,3 процента населения заняты в сельском хозяйстве и рыболовстве, а 21,9 процента - в промышленности, торговле и горнодобывающей промышленности. Следовательно, сельскохозяйственный сектор в Австрии гораздо более колоссальный, чем во Франции, а промышленный сектор всё ещё намного меньше, чем во Франции. Вот только Австрия предлагает индустриализму шанс, которого не предлагает Франция, поскольку в Австрии наблюдается довольно значительный рост населения, рост, который подталкивает к машинам. Но народу, у которых сегодня всё ещё 64 процента сельскохозяйственного населения, потребуется много времени, чтобы догнать сегодняшних немцев, потому что там, где сейчас Австрия численно, мы были в 1830-40 годах. Таким образом, прежде чем Австрия доберётся до того уровня, где сегодня находимся мы на пути к индустриализму, ей можно осторожно дать 60 лет, а для победы индустриализма можно тщательно рассчитать, по крайней мере, столько же лет, сколько нам ещё понадобится до тех пор, пока это произойдет.

Итак, теперь о нас самих! Позвольте мне предположить, что процесс в Англии, когда индустриализм в основном побеждает, когда сельскохозяйственное население составляет всего 25 процентов от общей численности населения, будет типичным — в мировой истории никто не клялся, что поворот всегда должен происходить точно с числом 25, но поскольку у нас есть только одна страна, в которой процесс завершился до нас, мы должны использовать это число в качестве исходного на текущий момент. Когда мы в Германии, вероятно, дойдём до точки, когда только четверть населения будет заниматься сельским хозяйством? Сегодня это примерно треть. Принимая во внимание рост населения и предыдущее разделение труда, можно сказать, что в нашем сельском хозяйстве насчитывается в среднем 18 миллионов человек, включая всех жителей. Эти 18 миллионов человек не увеличиваются и не уменьшаются значительно; общее сельскохозяйственное население останется примерно таким же в нашей стране, когда ситуация поменяется. Так когда же 18 миллионов станут четвертью населения? Тогда, когда общая сумма будет 72 миллиона. И вопрос о том, когда нас в Германии будет 72 миллиона, - это вопрос о 800 000 нового населения, которое растёт с каждым годом. Поскольку подсчитать число до последнего десятичного знака невозможно, достаточно сказать, что Германия, вероятно, сможет иметь четверть сельского населения примерно к 1920 году, т.е. в ситуации, в которой после британского процесса могла произойти только победа индустриализма, и с этого момента возникает предпосылка социализма в истинном смысле этого слова, потому что только отсюда возникает проникновение всего народа духом промышленности и либерализма, который действительно позволяет наёмным рабочим свободно развиваться. Я надеюсь, что никто из присутствующих не почувствует себя парализованным в своём нынешнем рвении этим расчётом; ведь даже если впереди ещё 20 лет, то, то что мы должны сделать, чтобы это не случилось для нас позже, является настолько большим, что мы должны использовать преимущества каждого из этих 20 лет и что нам необходимо сделать всё для социализма и либерализма, чтобы это время не прошло напрасно, а чтобы с его помощью в своё время, во время, типичное для истории Англии, переворот в Германии действительно смог произойти.

Но сегодня у нас с вами есть больше теоретический вопрос, а именно вопрос, какие перспективы имеет социализм для реализации в различных странах в ближайшем будущем?

И здесь, по крайней мере, глядя на эти четыре основные европейские страны, необходимо констатировать, что в каждой из этих стран перспективы социализма полностью отличаются от перспектив в других. Перспективы относительно лучшие в Англии. В Германии они на втором месте. В Австрии они очень отдалённые, а во Франции мне представляется, что, несмотря на древнюю политическую историю этого народа, их меньше всего по причинам, о которых я говорил ранее. Если пашня социализма так различается с точки зрения исторического солнечного тепла, то урожайность пахотных земель также должна быть разной в будущем. В Англии можно сказать, что социализм, или, скажем так, его практика, потому что это слово там менее распространено, что организованные рабочие оказывают ощутимое влияние на политику правящих классов, поскольку две правящие партии, которые всегда чередовались в прошлом, зависят от привлечения доброй воли организованных рабочих. Во Франции в настоящее время во главе государства находится министр-социалист Мильеран, и поскольку он подыгрывает социализму, конечно, возможно, что тот или иной прогресс будет достигнут в направлении социализма, но после того, что я только что обсудил, я не верю, что это будут постоянные меры, которые изменят весь народ. В Германии влияние социализма до сих пор было по существу косвенным, поскольку в государстве Бисмарка он косвенно создавался через необходимые социальные законы, медицинское страхование, законодательство о защите рабочих и т. д., но прямое влияние на правительство или «ведущие политические партии» сегодня всё ещё следует рассматривать как минимальное. В Австрии неизвестно, даже если преодолев препятствия со стороны всего остального этого интернационального государства, интернациональная социал-демократия будет считаться единственной партией, поддерживаемой государством (смех), то даже в этот момент у него не будет той основой силы, которая могла бы привести к окончательной победе над прочно закрепившимися большими поместьями, говорящими на чешском и немецком языках.

То, о чём я в целом рассказал, означает, что идея интернационального социализма, как только кто-то более внимательно посмотрит на ситуацию социализма в отдельных странах, теряет часть своего великого блеска и становится понятно: движение в основном идёт в одном направлении, но на совершенно разных этапах развития и результатов, и то, чем один может помочь другому, само по себе не слишком много. Я, конечно, не против и никогда ничего не говорил против социалистической стороны, пытающейся сохранить чувство общности во всех странах, но каждый международный конгресс на самом деле является живым доказательством того факта, что различные уровни, расположенные рядом друг с другом, едва ли могут сообщаться друг с другом. Давайте посмотрим, как здесь, на международном съезде текстильщиков, английские текстильщики сидели между немецкими и австрийскими рабочими! Они были просто людьми, которые жили на поколение дальше, чем другие, и эти были два разных типа, хотя оба они были текстильщиками, но лишь очень относительно в плане того, чего они хотели в своих головах, потому что их идеалы смещаются и меняются в зависимости от ситуации, в которой находится тот или иной из них. Таким образом, этот интернационализм обычно приводит к тому, что некоторые великие общие идеи и общие концепции остаются тёплыми по отношению друг к другу; но везде, где делается что-то конкретное из общих концепций, создаётся нечто в настоящем, что, по данным причинам общей эффективности в целом терпит неудачу.

Совершенно верно, что очень часто прогресс одной страны зависит от прогресса другой, и всё же нам так трудно поспособствовать прогрессу в других странах, и желание дождаться его не может быть нашим намерением, если мы хотим помочь себе. Поскольку сейчас трудно сказать из будущего, как государство, которое становится социалистическим, станет относиться к другим государствам в будущем, я сначала обращусь к примеру из настоящего, чтобы работать с ним. В настоящее время часто обсуждаются экономические

отношения между Германией и Австрией. Есть много оснований полагать, что Германия и Австрия сближаются в экономическом плане. Вы знаете, что идея так называемого Центрально-европейского таможенного союза временами была очень живой и может вернуться. Всевозможные «немецкие национальные мысли» предполагают, что мы должны подойти к Австрии экономически, насколько это возможно, но мы не хотим скрывать тот факт, что две экономические области, австрийская и немецкая, сходятся - это объединение, которое связано с эпохой старого таможенного союза, где каждая внутренняя промежуточная граница удалена, а у нас есть только одна общая экономическая внешняя граница - означало бы для нас, что наш прогресс в направлении индустриализма замедляется вдвое быстрее, чем Австрия добирается до того места, где мы уже находимся. Ибо, если обе страны объединятся, это будет такое усиление аграрного элемента во всём комплексе, что полный экономический союз с Австрией будет для нас в то же время экономическим отставанием, по крайней мере, на 20 лет нашей экономической истории. Возможно, в любом случае есть политические причины для этого, но здесь мы только хотим сказать, что объединение двух экономических зон, каким бы желательным оно ни было, может очень легко привести к тому, что более продвинутая часть будет привязана к более медленному шагу нового партнера и должна будет идти вместе с ним.

Я прошу то же самое применить к идее социалистического развивающегося государства. Я хотел бы заявить, что первое государство, в котором социализм является чем-то большим, чем просто доброе желание, имеет все основания для того, чтобы оставаться как можно более экономически изолированным. Первое государство, которое преодолеет частный капитализм, например, первое государство, в котором наёмные работники будут совместно определять и влиять на экономическую ситуацию, в тот же момент будет экономически придерживаться более медленного шага другого, более отсталого государства, как только оно решит, что ему необходимо сформировать политическое и экономическое объединение на интернациональной основе. Социализм зиждется на перспективах и надеждах будущей идеи о том, что однажды этот эксперимент будет экономически осуществлён промышленно развитыми народами; и если такой народ проведёт великий исторический эксперимент по поиску образа жизни для индустриального народа, по созданию новой формы культуры для нового человечества, экономически, юридически, организационно, если он достигнет гениальности человеческого разума, которая необходима для создания этой новой культурно-законодательной и организационной формы - каковая есть «социализм», если этот термин не считается пустым звуком, - если народ развивает его самостоятельно, тогда это либо огромная экономическая выгода для одного народа, либо приведёт его к экономической гибели. Но ни при каких обстоятельствах такой народ не может проводить подобный эксперимент сразу с другим, а даже если он проводит эксперимент, то делает это на основе собственного прогрессивного и единого организма; ибо с точки зрения психологии народов невообразимо, чтобы такой сдвиг в мыслях и формах организации мог быть настолько плавным и простым, что можно было бы легко раскрыть руки и сказать всем более отсталым народам: дорогие братья, приходите и присоединяйтесь! Когда приходит социализм, он предполагает народ, который уже обладает достаточным количеством индустриализма и либерализма в своём организме, чтобы иметь возможность себе это позволить. Народ, у которого недостаточно этих вещей в его организме, ещё не может позволить себе социализм, он ещё слишком далёк от него, внутренне совсем не готов к нему. Поэтому я совершенно убеждён, что если в этом слове надежды есть что-то историческое, что наши дети смогут узнать точнее, чем мы сегодня, если в нём есть что-то практическое, выполнимое, то Германия, когда дело дойдёт до него, создаст его, она создаст его, но национальный, то есть на почве своего народа и его государственного организма, с его предысторией, с его человеческим материалом, с энтузиазмом, который можно получить из

национального организма во имя великих перемен в то время, когда народ осознает, что теперь проведение данного эксперимента для него - это вопрос жизни или смерти. Мы знаем, что французы сами провели эксперимент с революцией, когда речь шла о буржуазном либерализме; с политической точки зрения эксперимент был для них умеренно хорош, поскольку с тех пор их народная история утратила свою прежнюю очаровательную восходящую тенденцию. Я говорю это не для того, чтобы предположить, что социализм, если он наступит, должен иметь такие же печальные последствия; напротив, я считаю, что он их не получит. Но я считаю, что социализм может выдержать лишь та страна, которая уже имеет широкий и адекватный современный класс промышленных людей. Там, где его нет, вся надежда на то, что такое современное развитие может прижиться, несостоятельна. С этой точки зрения я считаю, что мы, немцы, поскольку мы вообще хотим быть социалистами - я никому не говорю, что ими следует быть, если кто-то не хочет: если кто-то думает, что более счастлив в представлениях о старом обществе, пусть сохраняет то счастье, которое у него есть; я обращаюсь к тем, кто внутренне приближается к будущему, я обращаюсь к тем, кто хочет помочь в поисках новой формы для этого нового народа, для кого социализм является пульсом их собственного сердца, - которым я говорю: мы немцы, если будем делать это политически, должны будем делать это в основном для себя. Если эти надежды принесут хоть какой-то практический результат, то нам в основном придётся полагаться на то, чтобы приступить к этой работе в том состоянии, в котором мы живём, в том государстве, которое у нас есть. И это будет достаточно медленно и сложно в том государстве, в котором мы живём, так что мы не хотим брать на свои плечи русских, австрийцев и так далее. В противном случае мне хотелось бы видеть плечи, способные успешно нести эту общую ношу.

Сейчас правильно, что социализм в Германии пытается превратиться в партию будущего в народе, но пока всё это больше напоминает оркестровые голоса инструментов, первые звуки увертюры. Ведь наша транспортная политика больше не работает в доме, в котором нет социалистов; она пойдёт в дом, где есть социалисты, и там мы сможем проложить путь; нам не хватает социалистов для транспортной политики. (Смех). Поскольку торговая политика совпадает с новой немецкой мировой политикой, торговая политика открытых дверей работает только в том случае, если социалистическим округам будет предоставляться такая же доля, как и аграрным округам. Чистое распределение по округам согласно количеству людей, и у нас есть Капривские торговые соглашения! Как только в них войдут социалисты пропорционально их количеству, можно будет делать то, что необходимо Германии; если у вас этого нет, вы не сможете сделать это сегодня. Дело идёт ещё дальше, бывают моменты, когда все художники и поэты бегут к фон Фоллмару, потому что знают, что в конце концов только социализм поможет против закона Хайнце. И будут моменты, когда весь образованный класс народа определённо почувствует: у нас есть интересы в школе и образовании, где люди всё ещё хотят чему-то научиться; но там, где они считают, что уже достаточно узнали, а их холопы слишком многому научились (смех), перспективы образования в будущем невелики.

Итак, теперь мы видим, как движение социализма, народный интерес и общий интерес начинают сходиться: но массовая партия будущего, которая приведёт народу свободных людей, на самом деле всё ещё не возникает, и мне кажется, что главная трудность, которую будет легче понять после того, что я сказал до сих пор, состоит в том, что наш немецкий социализм, цепляясь за этот идеал интернационального социализма, не стоит на почве того конкретного государства, в котором он живёт, иначе говоря, он считает, что лучше всего продвигать общую идею социализма, которая изначально отвергает, игнорирует и нейтрализует государственную структуру настоящего. Я ещё позже упомяну, что делает нынешняя государственная структура для того, чтобы эта интернациональная идея

сохранялась как можно дольше. А пока я хочу сказать: социалистическое движение в Германии должно сначала найти свой путь к концепции государства; оно ещё не нашло его исторически и ещё не интегрировалось в этот государственный организм. Понятие государства с трудом вписывается в концепции социализма, потому что понятие государства обязательно включает в себя концепцию власти и концепцию вооружения; вообще нет государства, в котором не было бы двух концепций - власть и вооружение, и я полностью согласен с тем, что недавно написал в своей «Этике» профессор теологии и этики Германн из Марбурга: Это лицемерие, когда Феманд заявляет, что хочет государство, которое не хочет оружия, потому что те оба принадлежат друг другу. Это в основном то, что чувствовал социализм; он знает, что государство и милитаризм взаимосвязаны, и пока он считает, что нужно отрицать и то, и другое. Вполне понятно, что когда прослойка выходит из низов, прослойка людей, которым до сих пор не приходилось править, которые зависимы, живут в узком видении жизни, получают небольшую заработную плату и, таким образом, должны сводить концы с концами каждые две недели, у этой прослойки не хватает смелости на мысль: вы должны править и сами становиться хозяевами. Это вполне понятно с человеческой точки зрения. И всё же, если социализм хочет быть чем-то, он должен принять идею власти, иначе он всегда будет только протестом тех, кто не правит. Если социализм сам хочет добиться чего-то в истории, то он должен совершить поворот от жалоб и страданий страждущих, к заботе о том, чтобы взять власть в свои руки, и только когда социализм действительно совершит этот поворот, когда он сможет править, только тогда приблизится его время. Потому что тогда его деревья напитаются соком, когда в прослойке возникает потребность в том, чтобы ощущать что-то вроде возможности править, или же иначе можно сказать, что тогда придёт время, когда социализм может стать чем-то историческим, когда люди найдут в нём путь к идее власти. Как показывает дело лейпцигских печатников, некоторые из них, возможно, уже довольно хорошо осознали эту идею. (Смех). Так что теперь мне кажется, что было бы правильно, если бы социализм в Германии своевременно дал понять, что однажды он будет править политически, будет преобладать во власти; ибо одно лишь это внесёт хоть какую-то ясность во всю сентиментальную трактовку вопросов государства и власти, которая теперь стала обычным явлением в наших социалистических кругах. И мне кажется столь же полезным, что движение, которое ясно осознало, что это вопрос борьбы, экономической борьбы, классовой борьбы, поймёт дальнейшую идею о том, что нельзя ликвидировать такое большое количество государств общим размягчением мозгов государственных органов, что скорее, множественность государств сократится за счёт превращения наиболее мощного из них в центр концентрированной и широкой власти, где старая политическая идея государства будет сочетаться с социализмом. Непростой шаг для социалистов, но шаг, от которого зависит, сколько они значат в этом государственном организме. Потому что в государстве у тех есть влияние и власть, кто живёт в государстве и для кого оно существует.

Я хотел бы вкратце обратиться к нашим «дорогим друзьям» на востоке Германии. Откуда у них власть, у тех 25000 человек, о которых мы всё стонем друг с другом? Потому что они действительно поняли идею государства и государственной власти и внедрили её в свою политику. Они изучили эту политику с древних времён. В либерализме этого ещё мало, в социализме этого ещё нет. И здесь в слове «национальный социализм» кроется проблема для изучения его как политического вида социализма. Чтобы он мог укрепиться и получить власть в государстве, он должен сначала сам принять ответственность на себя за условия жизни в государстве. Это не является конечной целью, чтобы социализм стал национальным, чтобы он стал английским или немецким, это не конечная цель, это прогресс. А прогресс важнее любого самого прекрасного учения о конечной цели. Для практического социализма, для реально существующего рабочего движения нет ничего более существенного, чем то, что

оно должно переходить из области теорий, слов и надежд в область шагов и достижений политического рода. И я и мои друзья описываем этот процесс трансформации как переход от интернационального к национальному социализму. И мы полагаем, что тем самым политически выражаем то, что Бернштейн изложил с экономической точки зрения в своей известной брошюре, идею о том, что нужно перейти от общей теории к детальной работе. Детальная работа показывает, что отдельное государство - это конкретный организм. И если бы кто-то сказал: «Именно это отдельное государство, которое есть, создаёт нам бесконечно трудности; а вы требуете, чтобы рабочие полюбили господина фон Посадовского?» (смех) - если бы кто-то сказал это с сильным моральным негодованием, я бы всё равно хотел, чтобы он шёл в современную политику. Государство, как оно есть сегодня и каким оно кажется рабочим, в огромной степени препятствует социализму стать национальным; государство с таким количеством полицейских ограничений - одно из моих собраний было распущено совсем недавно, я знаю историю о том, как оно действительно выглядит (тишина) - государство со всей этой властью для внутренних дел и с его вооруженными силами, государство в котором всё вращается вокруг того, насколько дороже могут быть сделаны основные потребительские товары для масс, это государство, в котором всё, что находится наверху, объединяется так, что большинство, которое находится внизу, фактически не может рассматриваться политически, не может сориентировать себя национально. Но мы ведь не говорим, что это нужно делать из любви к государственным министрам, а мы утверждаем, что социализм должен, обязан сделать это исходя из своих хорошо известных интересов, что он сам участвует в формировании государства, создании нового государства, когда в этом отношении он противостоит государству на другой основе. Конечно, если бы у нас было государство, провозгласившее настоящую свободу передвижения, то национальный социализм пришёл бы быстрее, чем сейчас; если бы у нас было государство, в котором уже была победа индустриализма, то дела пошли бы быстрее. Но поскольку этого ещё не случилось, поскольку, согласно предыдущим историческим расчётам, мы намного дальше отстоим в прошлом, поскольку мы должны бороться и достичь многого, что уже давно есть в Англии, нам не следует разочаровываться в нём. Нам лучше смотреть на этот государственный организм, который является нашим государством, как единственное в котором мы проживаем - можно представить себе другое, но не создать его, не иметь его - как объект - для нашей деятельности, также и с точки зрения социализма.

Ранее я сказал, что обращаюсь к тем, кто согласен со мной в основном настрое, и то, что мы сказали, теоретически применимо к ним. Остальным я хочу сказать практически: социализм имеет лучшие перспективы, если он рассчитывает в большей степени на это государство. Я могу представить себе, как кто-то говорит себе: я доволен, когда социалисты мечтательно размышляют об интернациональном, потому что тогда они неэффективны. Но даже из таких выражений я бы понял, насколько правильно переходить от интернационального социализма к национальному социализму. (Бурные, продолжительные аплодисменты)

Перевод с немецкого языка: Богдан Заднепровский